

Чэнь Илин timerнулся в общежитие с коробкой в руках. По привычке потянувшись к карману за ключами, он вдруг столкнулся с уже «знакомым» взглядом. Прежде он бы точно припугнул наглого соседа и прогнал его прочь, но сейчас на это просто не было сил. Он лишь молча опустил голову и принялся открывать дверь.

— Послушай... — робко выдавил очкарик. Он испуганно замер, не смея даже протянуть руку, и едва слышно прошелестел: — Ты не мог бы вернуть мне...

Чэнь Илин timer вздохнул и поднял глаза, ожидая, пока тот закончит фразу. Но парень от этого взгляда так вздрогнул, что явно собрался дать стрекача.

— А ну стоять! — прикрикнул Чэнь Илин timer, и тот послушно замер на месте, словно вкопанный.

Распахнув дверь комнаты, Чэнь Илин timer нахмурился:

— Договаривай.

Парень с бледным, изможденным лицом робко указал на небольшую настольную лампу, стоявшую прямо напротив входа, и пролепетал:

— Можно мне... забрать мою... настольную лампу?

— Твою лампу? — Чэнь Илин timer зашел внутрь и поставил коробку на пол. Вдруг до него дошло. — А, так ты пользовался ей при жизни?

— А? При... при жизни? — заикнулся очкарик.

— Давно преставился, приятель? — Чэнь Илин timer взял лампу в руки. — Хочешь, как стемнеет, спущусь во двор и сожгу ее для тебя?

— Не... не надо! — Вэй Синьци выхватил лампу из его рук и, набравшись смелости, выпалил: — Я вообще-то жив!

Чэнь Илин timer онемел.

Боясь, что ему не поверят, парень перевернул лампу и ткнул пальцем в донышко:

— Вот, тут мое имя написано — Вэй Синьци. И наклейка раньше была со словами: «Дорогу осилит идущий».

— А-а, — протянул Чэнь Илин timer. — Наклейка там и правда была.

Он вспомнил, как однажды, помогая этому бедолаге с задачами, другой «Чэнь Илин» от нечего делать содрал ее. Видите ли, почерк показался ему слишком уродливым, и он порывался написать что-то свое, но Чэнь Илин его вовремя остановил.

— Пока ты не приехал, я всегда занимался здесь, — обиженно буркнул очкарик. — А как ты появился, мама мне сразу запретила сюда ходить.

— Так ты сын тетушки Вэй? Тот самый, что уже три года пытается поступить и все никак? — догадался Чэнь Илин.

Вэй Синьци вспыхнул от злости:

— Да что... что ты о себе возомнил?!

— Да ничего особо не возомнил. Я вообще школу после девятого класса бросил, — честно признался Чэнь Илин.

Вэй Синьци поперхнулся. Однако, памятуя обо всех былых выходках Чэнь Илина, он по-прежнему подозревал в нем опасного типа. Крепко прижав к себе лампу, он попятился:

— Ну, я пойду... С-спасибо, что отдал.

Чэнь Илин лишь небрежно махнул рукой, и парень припустил прочь, даже не оборачиваясь.

На опустевшее в левом углу стола место Чэнь Илин бережно поставил мамин портрет. На этой старой фотографии Линь Сяоли, облаченная в подвенечное платье, нежно смотрела в объектив — ее взгляд был полон светлых надежд на будущее. Она дорожила этим снимком больше всего на свете: во время каждой уборки аккуратно протирала его мягкой тканью. Но уезжая, почему-то оставила здесь.

Чэнь Илин долго смотрел на портрет, положив подбородок на сложенные руки, а потом вздохнул и убрал его обратно в коробку.

«У мамы теперь наверняка есть фотографии куда красивее», — подумал он.

От этой мысли на душе потеплело. Новый муж мамы, должно быть, замечательный человек. Он никогда не станет кричать на нее или поднимать руку. Он будет заботиться о ней и любить, прямо как в романтических сериалах. А потом у них родится здоровый, очаровательный малыш, и они станут жить дружной, счастливой семьей.

Чэнь Илин вдруг укололо чувство вины за недавний звонок. Оставалось лишь надеяться, что отчим ничего ей не расскажет.

В воздухе закружились, сгущаясь, темные хлопья скверны. Перед глазами все поплыло. Чэнь Илинь крепко зажмурился, тщетно пытаясь справиться с приступом дурноты. Сейчас ему меньше всего на свете хотелось видеть своего двойника. Меньше всего.

Но когда он открыл глаза, перед ним возникло встревоженное лицо Линь Сяоли.

Чэнь Илинь растерянно замер:

— Мама?

Мама потянулась к нему, но ее ладонь безвольно прошла сквозь его плечо. Обернувшись, Чэнь Илинь понял, что находится в больничной палате. На кровати с безучастным видом сидел его двойник, «Чэнь Илинь», а Линь Сяоли ласково гладила того по голове.

— Линьлинь, ну почему ты такой грустный? — тихо спрашивала она.

Чэнь Илинь помрачнел и сделал шаг назад. Он хмуро уставился на своего двойника, но уже через мгновение сообразил: защитных талисманов на нем сейчас нет. Взглянув на собственные руки, он увидел, что его тело снова истончилось до полупрозрачного тумана. Значит, «Чэнь Илинь» его не видит.

Осознание этого принесло облегчение. Чэнь Илинь вальяжно «примостился» на край постели, презрительно скривился в сторону двойника и демонстративно хмыкнул, показывая, что все еще смертельно на него обижен.

— Вы опять трогали мои вещи, — ледяным тоном произнес «Чэнь Илинь». — Куда вы дели тыкву-горлянку?

— Какую еще тыкву? — не поняла Линь Сяоли.

«Чэнь Илинь» вперил в нее тяжелый взгляд:

— Медную тыкву-горлянку. Она всегда лежала у меня под подушкой.

Его тон казался откровенно грубым, и Чэнь Илинь возмутился:

«Эй, как ты разговариваешь с матерью?»

Двойник, естественно, его не слышал. Он раздраженно клацал по экрану телефона. Чэнь Илинь из любопытства подался вперед, заглядывая через плечо, но парень вдруг вскинул голову, словно почуяв чужое присутствие. Чэнь Илинь тут же отпрянул назад.

— Я ее не видела, — мягко ответила Линь Сяоли. — Когда тебя не было в палате, приходила сиделка помочь с вещами. Может, случайно унесла в машину? Давай я позвоню и спрошу.

«Чэнь Илин» лишь безучастно буркнул что-то в ответ.

Линь Сяоли присела на край кровати. Чэнь Илин тут же устроился рядышком, прильнув к ней, и стал слушать их разговор.

— И почему мы без настроения? Сердце кто-то разбил? — с мягкой улыбкой спросила она сына.

«Чэнь Илин» пренебрежительно фыркнул:

— Да нет же, встречаемся, всё нормально.

Чэнь Илин ошеломленно уставился на него, мгновенно позабыв о маме. Вскочив на ноги, он подошел вплотную к двойнику и гневно потребовал ответа:

— Это еще с кем ты встречаешься?!

— И кто же она? Я ее знаю? — Линь Сяоли ничуть не удивилась, напротив, на ее лице отразилась искренняя радость.

— Можно и так сказать, — рассеянно бросил «Чэнь Илин», продолжая быстро строчить кому-то сообщение в телефоне.

«Раз мама ее знает, значит, она из города Хуан», — у Чэнь Илина внутри все перевернулось от едкой горечи, смешанной с обидой и потрясением. Его нагло обманули! Он порывисто поднял руку, желая немедленно начертить заклинание перемещения и вернуться в свое общежитие, но вовремя спохватился: двойник может заметить вспышку силы. Да и с какой стати ему бежать? Словно его это вообще колышет!

— Это та девочка, которая постоянно передает тебе всякие мелочи? — с улыбкой поинтересовалась Линь Сяоли.

Чэнь Илин весь обратился в слух, хотя лицо его потемнело от злости. Какая еще девочка? Что за мелочи? Любовные записки? Неужели одна из тех девиц, чьи письма он нашел на днях?

Надо же, какой занятой у нас «Чэнь Илин»! Ночами напролет делает с ним домашку и делит одну постель, а днем успевает и под капельницами лежать, и романы крутить.

Чтоб он лопнул от такой занятости!

Обида комом застряла в горле. Скрестив руки на груди, Чэнь Илинй ледяным взглядом сверлил парня на койке. Теперь понятно, почему тот никак не отреагировал, когда Чэнь Илинй в порыве чувств впился в его губы. Оказывается, он по девочкам.

— Да нет же, совсем мимо, — отмахнулся «Чэнь Илинй». — Ты звонить-то собираешься?

— Ой, точно, совсем из головы вылетело, — Линь Сяоли поспешила выйти в коридор, прижимая трубку к уху. — Отец как раз заканчивает с документами на выписку. Не вздумай уснуть.

Как только дверь за ней закрылась, «Чэнь Илинй» бесшумно скользнул с кровати и запер замок. Его вялость мгновенно испарилась. Одним ловким движением он откинул матрас, сгреб все спрятанные под ним талисманы и запихал в рюкзак. Под потрясенным взглядом Чэнь Илиня его двойник взгромоздился на тумбочку, лихорадочно обдирая скрытые амулеты с карнизов, углов стен и потолка. Вид у него был грозный и мрачный — внезапная выписка явно спутала ему все карты.

Он уложился секунда в секунду. Стоило ему спрятать добычу, отпереть дверь и вальяжно развалиться на подушках с книгой в руках, как в палату вернулась Линь Сяоли. «Чэнь Илинй» поднял на нее невинный, кристально чистый взгляд:

— Ну что, нашли?

Линь Сяоли неловко отвела глаза:

— Сиделка говорит, когда она убирала постель, что-то звякнуло и упало в ведро... Она не обратила внимания...

«Чэнь Илинй» резко захлопнул книгу и отшвырнул ее в сторону. Чэнь Илинй тут же подскочил ближе, заглядывая вместе с ним в мусорную корзину, но та сияла девственной чистотой — пакет внутри уже успели заменить на свежий.

— Когда выносили мусор? — резко спросил двойник.

— Не знаю... Может, как раз перед твоим приходом, — Линь Сяоли растерялась. — Это что-то ценное? Линьлинй, ты опять связался с этими своими...

— Нет, — отрезал «Чэнь Илинй». Он схватил рюкзак и пулей вылетел из палаты.

— Линьлинй! — отчаянно позвала Линь Сяоли, но безответно.

Чэнь Илинй мчался следом за ним, чувствуя, как внутри все сжимается от страха. Если эта тыква-горлянка пропадет навсегда, двойник больше не сможет принимать материальную

форму. И они... никогда больше не увидятся.

«Чэнь Илин» на ходу хватал за руки медсестер, пока одна из них не объяснила, что мусоровоз уехал буквально пару минут назад. Он бежал так быстро, что его губы посинели от нехватки воздуха. Прислонившись к стене, он зашелся в тяжелом, надрывном кашле. Чэнь Илин метался рядом, сгорая от беспомощности:

— Да помедленнее ты! Купишь новую, делов-то!

Но тот его не слышал. Лицо двойника сделалось пугающе серым. Он дрожащими пальцами набрал номер:

— Далан?

— Твою дивизию, бро, я вообще-то на задании! — раздался в трубке приглушенный, раздраженный шепот.

— У меня пропала тыква-горлянка. Как вернуть ее быстрее всего? — без лишних предисловий спросил «Чэнь Илин».

— Потерял?! — ахнул Далан. — Да ты над ней трясся больше, чем над собственной жизнью! Как умудрился-то?

— Я... — «Чэнь Илин» прерывисто закашлялся. — Мы только что поссорились. Я погорячился и не уследил, когда чужие руки полезли к моим вещам.

Чэнь Илин невольно прислушался. Похоже, речь шла о нем.

— Ты? Поссорился с ним? — искренне удивился Далан. — И из-за чего? Неужели он пронюхал про твои делишки?

— Вроде того. Неважно, — отрезал «Чэнь Илин». — На донышке вырезан массив. А массив позиционирования я набил себе на тело. У тебя осталась моя кровь, глянь по ней координаты.

— Ну ты и псих, — выругался собеседник, но медлить не стал. Спустя пару секунд он выпалил: — Совсем рядом. Метров шестьсот-семьдесят на юго-восток. Там, где парковка.

Сжав телефон в руке, «Чэнь Илин» бросился в указанном направлении. Вскоре перед ним действительно показалась стоянка. Пробежав еще немного, он резко затормозил возле одной из машин.

Чэнь Илинъ удивленно выдохнул:

— Погоди, это же ваша тачка?

Он точно помнил, что на ней ездил Чэнь Шунь.

Его двойник рванул крышку огромного мусорного бака, стоявшего неподалеку, и без малейшей брезгливости запустил руки в гниющие отходы. Чэнь Илинъ поморщился от жуткого амбре, но «Чэнь Илиню» было плевать: пачкая одежду и пальцы в помоях, он лихорадочно потрошил мешки. Наконец в одном плотно завязанном пакете его пальцы нащупали заветную фигурку.

Он облегченно выдохнул, и все напряжение разом покинуло его тело. Он принялся бережно стирать грязь с металлического бока рукавом куртки.

В этот момент щелкнул замок, и дверца стоявшей рядом машины распахнулась. Из салона вышел Чэнь Шунь. Смерив сына тяжелым, мрачным взглядом, он негромко позвал:

— Линьлинъ.

Мусорный бак стоял вплотную к автомобилю. Двойнику не составило труда сложить два и два. Подавляя рвущуюся наружу ярость, он прошипел:

— Сиделка тут ни при чем. Вы с матерью выбросили ее нарочно.

Чэнь Илинъ с нескрываемым отвращением уставился на Чэнь Шуня, который даже сейчас умудрялся выглядеть чопорно и солидно.

— В прошлый раз твои увлечения едва не свели тебя в могилу! — жестко произнес Чэнь Шунь.
— Помнишь, что ты обещал нам с матерью? И вот ты опять взялся за старое. Снова хочешь загреметь в дурку? Чэнь Илинъ, тебе скоро восемнадцать. Ты уже не ребенок и должен отвечать за свои поступки!

— Лао Чэнь! — запыхавшись, к ним подбежала Линь Сяоли. Заметив в руках сына злополучную тыкву-горлянку и оценив его испачканный вид, она вскрикнула от смеси страха и гнева: — Линьлинъ!

«Чэнь Илинъ» спрятал фигурку поглубже в карман и безучастно ответил:

— Раз уж вы все поняли, спорить не стану. Если боитесь проблем — я могу съехать хоть сегодня.

Чэнь Шунь резко замахнулся и наотмашь влепил ему оглушительную пощечину.

— Ах ты тварь! — Чэнь Илинь коршуном бросился вперед, заслоня собой двойника, и до хруста сжал кулаки, готовый растерзать Чэнь Шуня на месте.

Но его никто не видел. От сильного удара голова «Чэнь Илиня» мотнулась в сторону, на губе выступила алая капля крови. Лицо его, и без того бледное, сделалось совсем мертвенным. Он медленно вытер кровь тыльной стороной ладони, выпрямился и прямо, без капли страха посмотрел отцу в глаза.

— Зачем ты его бьешь?! — закричала насмерть перепуганная Линь Сяоли, вцепляясь в руку мужа.

— Да потому что ты его разбаловала! — прорычал Чэнь Шунь. — Посмотри, в кого превратился наш сын!

— Что ты сказал?! — взвилась Линь Сяоли. — Мой сын? Он что, только мой? Если бы ты сам много лет назад не натворил делов, разве Линьлинь стал бы таким?!

Напоминание о былых грехах мгновенно сбило с Чэнь Шуня спесь. Он набычился, помолчал немного и глухо процедил:

— Не устраивай сцен на улице. Поедем домой, там и поговорим.

— Не нужно ссориться, — сипло прервал их «Чэнь Илинь». — Какой смысл разыгрывать этот фарс под названием «счастливая семья»?

Оба родителя осеклись и растерянно уставились на сына. «Чэнь Илинь» криво усмехнулся:

— То, какой я есть — исключительно мой выбор, и вы тут ни при чем. Если вам стыдно за меня перед знакомыми, скажите всем, что я уехал учиться за границу. Или запирайте обратно в психушку, как в прошлый раз.

— Линьлинь... — у Линь Сяоли брызнули слезы. — Что ты такое говоришь? Мы больше никогда не отдадим тебя туда...

— Да ладно вам, — с притворной покорностью отозвался парень. — В худшем случае я там просто сдохну. Зато позора избежите.

Линь Сяоли задохнулась от рыданий. Лао Чэнь заметно задрожал:

— Прости меня, сын... Я вспылел.

Он неловко потянулся к плечу мальчика. Стоявший перед ними Чэнь Илинь резко вскинул руку, намереваясь начертить руну и материализоваться, чтобы врезать ублюдку, но из-за его спины донесся вкрадчивый, мягкий голос двойника:

— Все хорошо, папа. Я знаю, что ты просто очень за меня переживаешь.

Чэнь Илинь потрясенно обернулся и уставился на него.

Чэнь Шунь тяжело вздохнул и похлопал сына по плечу. Линь Сяоли бережно взяла «Чэнь Илия» под руку, и они втроем уселись в салон. Машина плавно тронулась с места и скрылась за поворотом.

Чэнь Илинь остался стоять посреди клубов едкого выхлопного газа. Стоило ему зажмуриться от гари, как мир вокруг схлопнулся, и он очнулся в своей комнате в общежитии.

В этот момент как раз погас свет. Общежитие погрузилось в непроглядный мрак. Из коридора доносились приглушенные голоса и смех студентов, а в углах комнаты изредка раздавался тихий, влажный шорох — это копошилась, сползаясь воедино, скверна. Чэнь Илинь еще долго стоял посреди темноты, не шевелясь, после чего с глухим раздражением взъерошил волосы.

Тем временем в городе Хуан вышедший из душа «Чэнь Илинь» бросил взгляд на медную тыкву-горлянку, которая теперь мирно покоилась на прикроватной тумбочке. Накинув полотенце на влажные волосы, он не спеша подошел к массивному книжному шкафу. На полке, прямо под мягким светом лампы, лежала черная стальная ручка. Он взял ее, вдохнул едва уловимый аромат чернил и нажал на скрытую панель за задней стенкой шкафа. С тихим шорохом тяжелые створки разъехались в стороны.

Он спустился по лестнице в подвал. Во тьме одна за другой вспыхивали лампы, выхватывая из темноты висящие на стенах картины.

Десятки ярких холстов, написанных маслом, ровными рядами покоились на мольбертах. Изображенные на них люди казались пугающе живыми: один спал, другой ужинал, третий принимал душ, кто-то читал, кто-то увлеченно играл в приставку, а кто-то дрался... Они были разного возраста, их лица выражали самые полярные эмоции, но черты лица оставались неизменными. Все они имели лицо самого «Чэнь Илия» — точь-в-точь такое же, какое он каждое утро видел в зеркале.

Последние работы стояли на самых видных местах. С тех пор как им наконец удалось наладить связь, портреты стали выглядеть намного динамичнее и глубже. «Чэнь Илинь» придвинул стул,

снял колпачок с черной ручки и, притянув к себе чистый холст, принялся неторопливо набрасывать контуры.

Под его пером начали проступать обшарпанные стены старой щитовой, разбросанные в беспорядке инструменты, косые лучи предзакатного солнца, льющиеся из пыльного окна... И Чэнь Илин — яростный, оцетинившийся, весь переполненный бунтарской злобой и обидой.

Время текло незаметно. В абсолютной тишине подвала острие пера замерло у самого уголка нарисованных губ. Юноша ласково улыбнулся и долго, заворожено смотрел на портрет. Его пальцы задумчиво поглаживали гладкий корпус ручки. В полумраке раздался тихий, томящийся вздох:

— Мой... Линьлин.

<http://bllate.org/book/19008/1951509>